

Игра игрой, а веселье весельем, но состязание продолжалось.

Поскольку доверять Сунь Яня было абсолютно нельзя, Фан Юйшань решил выступить лично.

К этому моменту команда Лян Цзю уже проиграла Яо Чуню и остальным. Кто бы мог подумать, что этот милый щеночек Лу Цинь с виду такой мягкий и нежный, а в игре действует так решительно.

— Мужская борьба! — Фан Юйшань принял боксерскую стойку.

Сунь Янь тут же превратился в заботливую младшую сестричку: взяв воображаемое полотенце, он стал понарошку вытирать пот с лба Фан Юйшаня.

Противники тоже не собирались сдаваться: Яо Чунь лично подняла напиток спонсора и возглавила группу поддержки. Стоит признать, с ее выдающимися достоинствами фигуры и длинными ногами она выглядела просто потрясающе.

Напутствия закончились.

Фан Юйшань затаил дыхание, сосредоточился и, встав в позу вытаскивающего меч воина, произнес:

— Камень...

Лу Цинь тут же подпрыгнул на месте, а оставшиеся двое мужчин возбудились так, будто стали свидетелями победы национальной сборной по футболу. Съёмочная площадка в одно мгновение превратилась в гору Цветочных Плодов, и даже Лян Цзю с чего-то вдруг принялась орать вместе с ними.

— Камень, ножницы... бумага!

Шэнь Итан бросила взгляд на Сунь Ясяо. Та в ответ лишь качнула головой, и Шэнь Итан тут же отложила в сторону свой термос, поднялась и подошла к столу.

— Бумага!

Хотя исход игры ее мало волновал, глядя на то, с каким аппетитом остальные уплетают пельмени, она тоже слегка проголодалась. Ради пельменей стоило рискнуть!

— Они же не играют, — подняв руку, напомнил Сунь Янь.

Шэнь Итан холодно изогнула уголки губ. Подобные детсадовские игры она могла бы выигрывать с закрытыми глазами.

— Вы не сможете.

Шэнь Итан показала бумагу.

Сунь Янь пришел в полный восторг, не удержавшись, дважды подпрыгнул на месте и, глядя на Шэнь Итан сияющими глазами, поднял руку.

Ножницы против камня.

Сунь Яся хоть и веселилась со всеми, сама по себе отличалась полнейшим буддийским спокойствием — ей было абсолютно все равно, играть или нет. О Шэнь Итан и говорить не приходилось: если бы не подсказка Сунь Яня, они вдвоем могли бы просидеть так до тех пор, пока кто-нибудь не съел спрятанную монетку.

Сунь Янь чутко заметил, что Шэнь Итан, в отличие от остальных, не следила за руками противника, а смотрела прямо в лицо.

Правда... заметив, у Сунь Яня при виде пельменей чуть ли слюнки не текли, Шэнь Итан на мгновение засомневалась и тоже выбросила жест.

Сунь Янь с досады заскрежетал зубами и обратился к Фан Юйшаню:

— Ты еще так меня ругал! А сам-то сильно лучше?

Лу Цинь облегченно выдохнул, отвесил пару дежурных комплиментов и тут же дал драпу: он ни за что на свете не осмелился бы злить такую грозную особу, как Шэнь Итан.

Разве мог Фан Юйшань отнять еду? Он принялся отчаянно махать руками, жестом показывая, чтобы Сунь Янь ел сколько влезет.

— Неплохо.

Проиграв два раунда подряд, Сунь Янь больше не мог спокойно усидеть на месте и решительно выступил вперед:

— Я сам!

Бумага против камня, Сунь Янь показал бумагу.

Команды Лян Цзю и Сунь Яня к тому моменту сошлись уже во второй раз, и единственными, кто еще ни разу не вступал в игру, оставались Шэнь Итан со своей напарницей.

Фан Юйшань выбросил ножницы — смерть была точно такой же.

Сунь Янь с довольным видом переложил пельмени на свою тарелку, даже не пытаясь скрыть радостную улыбку.

Шэнь Итан с холодным лицом развернулась и вернулась на свое место.

А тем временем в комментариях на экране незаметно сменился настрой.

Сунь Янь с лицом смертника заявил:

— Ладно, была не была! Ради пельменей!

Лу Цинь подыграл ему, изображая пассы руками:

— Ножницы...

При этом движение Сунь Яня оказалось чуть быстрее, чем у Шэнь Итан, и все воочию увидели, как та уже было протянула пальцы, но тут же испуганно спрятала их обратно.

Фан Юйшань толкнул Сунь Яня плечом:

— Вы что, помирились?

Лу Цинь, еще секунду назад радовавшийся как переродившийся царь обезьян, тут же сник. Он быстро подобрался и перешел к серьезной игре.

Любому было очевидно: остальные сражались за победу, и только Сунь Янь действительно хотел есть.

Лян Цзю самодовольно задрала нос:

— Кто еще? Есть еще смельчаки?

Ни у кого из присутствующих статус не был выше, чем у Шэнь Итан, поэтому какое-то время бросить ей вызов никто не решался.

Она поддавалась мне специально! О боже, в ее сердце есть место для меня!

Бумага против камня.

Шэнь Итан, выиграв, ничуть не обрадовалась. Небрежно выловив пару пельменей, она швырнула их Сунь Ясяо, а сама встала у стола, ожидая следующего претендента.

Старая поговорка не врёт: один красавец — это красавец, а толпа красавцев — сплошные мартышки.

Гости не видели летящих комментариев, поэтому беззаботно и весело проводили время.

Больше всех сейчас шумели Сунь Янь, Лян Цзю и Лу Цинь. Поначалу Сунь Янь не понимал, откуда столько одержимости победой, но поддавшись их всеобщему задору, сам распалился и пустился во все тяжкие.

То ли у него в голове прояснилось от съеденной еды, то ли вернулась удача...

Сунь Янь шел напролом, сметая все преграды на пути — целых пять побед подряд!

Фан Юйшаня уже подташнивало от пельменей, и он умолял Сунь Яня больше не выигрывать, но разве вошедший во вкус Сунь Янь стал бы слушать о чужом здоровье? Он рыскал вокруг в поисках новых противников.

В конце концов Фан Юйшаню пришлось вцепиться в ее руку и взмолиться о пощаде.

Лу Цинь и Сунь Ясяо, наблюдая за весельем, только подливали масла в огонь и рвались продолжить бой, явно намереваясь поддаться. Цзинь Сюй, хоть и сдерживаемый Лян Цзю, не смел намеренно проигрывать, но уже давно покатывался со смеху, наблюдая за представлением со стороны.

Атмосфера царил теплая и дружеская. Почти все забыли, что за Сунь Янем тянется шлейф скандалов, дистанция между ними заметно сократилась, и даже в комментариях перестали ругать Сунь Яня — все искренне веселились.

Кроме Шэнь Итан.

Она молча пригубила чай из термоса, не отрывая узких темных глаз от Сунь Яня в самом центре толпы.

И правда, она по-прежнему так обаятельна: куда бы ни пошла и кем бы ни была, она всегда

приковывает к себе все взгляды, словно невозможное для игнорирования солнце.

Шэнь Итан опустила термос, и боковым зрением заметила, как Фан Юйшань продолжает цепляться за руку Сунь Яня.

Слишком близко.

— Режиссер, я больше не могу, — жалобно протянул Фан Юйшань съемочной группе вдалеке.
— Мы умяли уже половину пельменей, а монетка так и не нашлась. Если так пойдет дальше, тут до смертоубийства дойдет!

К счастью, режиссер проявил человечность, понимая, что бесконечно продолжать эту игру нельзя, и прямо на месте изменил правила: теперь все едят одновременно, пока кому-нибудь не попадет монетка, а единственное условие — не оставлять еду в тарелке.

— Так бы сразу!

Фан Юйшань тут же схватил большую тарелку со стола и принялся сгребать пельмени в тарелку Сунь Яня:

— Ешь побольше, ешь! Хватит тебе?

Для женщин-знаменитостей держать скромный аппетит давно стало нормой: хочешь сохранить фигуру — приходится себя ограничивать.

Пока Сунь Янь размышлял, как бы отомстить, к Фан Юйшаню бесшумно подошла высокая фигура.

В этот миг повеяло холодом, Фан Юйшань мгновенно умолк, повернулся и, выдав вымученную улыбку, поприветствовал newsmag-a:

— О, тоже решила пельменей отведать?

Шэнь Итан, держа тарелку, повернулась к нему:

— А то что, грызть тарелку, как она?

Сунь Янь, которая как раз в этот момент втайне грызла край тарелки, лишь бы не есть пельмени, мгновенно выпрямилась и принялась усердно, словно смакуя изысканный деликатес, откусывать пельмень по кусочку, начиная с теста.

— Эх, не умеешь ты.

Фан Юйшань тут же притащил уксус, чтобы показать мастер-класс:

— Смотри, как надо, братуха.

С этими словами он щедро плеснул уксус прямо в тарелку, тщательно перемешал пельмени и принялся за еду. У Сунь Яня отвисла челюсть:

— Тебе совсем не кислый?

— Этот уксус разбавлен водой, — Шэнь Итан тронула кончиком пальца бутылку без этикетки.
— Только такая недотрога до кислятины, как ты, может удивляться.

Откуда она знает, что я не ем кислую пищу?

Сунь Янь замерла. Она действительно ничего не помнила, но привычки остались прежними: любила сладкое и острое, а вот кисленькое терпеть не могла. Если бы об этом знала Хань Цин, это еще куда ни шло, но даже Шэнь Итан, которая терпеть ее не могла, так легко выдала эту деталь — это выглядело странно.

Неужели до того, как они рассорились, они были лучшими подругами? Только так можно объяснить, почему та настолько хорошо ее знает.

Пока Сунь Янь погрузилась в раздумья, Фан Юйшань почувствовал неладное, сослался на необходимость разобраться с Лу Цинем и тут же дал деру.

Стоило ему уйти, как Сунь Янь и Шэнь Итан остались наедине. Расслабиться Сунь Янь снова не успела — напряжение вернулось с новой силой.

— Эм... — Сунь Янь неловко поскребла в затылке. — Давай лучше пельмени есть, мы ведь еще не знаем, где монетка.

— Хрусь.

Раздался сухой звук. Шэнь Итан с бесстрастным выражением лица выудила из пельменя монетку и бросила ее на стол.

Истинный чемпион по уничтожению бесед: способна убить любой диалог парой слов.

Сунь Янь уткнулась носом в тарелку, продолжая запихивать в себя пельмени, а про себя

отчаянно вопила о помощи.

И спасение не заставило себя ждать.

Лян Цзю отличалась некоторой бесцеремонностью: она упорно не замечала странной атмосферы между Шэнь Итан и Сунь Янь, наивно полагая, что те просто обе не любительницы болтать.

Наигравшись вдоволь, Лян Цзю прониклась к Сунь Янь симпатией и, заметив, как неловко той сидеть рядом с Шэнь Итан, смело двинулась к ним с тарелкой наперевес:

— Чего заскучали, подруги?

Сунь Янь, зажав в зубах пельмень, уставилась на Лян Цзю.

Она что, серьезно?

Лян Цзю не уловила никакого подвоха и с энтузиазмом плюхнулась рядом с Сунь Янь:

— Сколько уже умяла?

Сунь Янь растопырила ладонь.

— Пять штук?

— Двадцать пять.

Лян Цзю опешила:

— Двадцать пять? Разве ты не должна была наесться после пяти?

— С чего бы? — Сунь Янь продолжала уплетать пельмени, недоуменно моргая. — У нормального человека не может быть такого крошечного аппетита. К тому же эти пельмени и так малюсенькие. Глянь на Фан Юйшаня — он ведь все еще ест.

Фан Юйшань издали подал голос:

— И кто в этом виноват?!

Лян Цзю рассмеялась:

— Клянусь, ты первая актриса на моей памяти, которая совершенно не скрывает свой аппетит.

Разве сокрытие аппетита — такая уж редкая вещь?

Сунь Янь дернула бровью:

— Тогда, пожалуй, мне стоит вручить награду за лучший аппетит.

— Фишка в том, что ты ешь не так уж много, — пересчитала Лян Цзю. — Я вот уже двадцать умяла.

— А я еще съехала пачку лапши быстрого приготовления...

— Кажется, и правда больше меня... Стоп, а я перед выходом из машины еще и острую сою точила!

— Это же снеки! Не считается!

Девочки увлеченно болтали, в то время как подошедшая Шэнь Итан вновь оказалась полностью проигнорирована.

Шэнь Итан опустила взгляд на пельмени в своей тарелке, внезапно ощутив, что весь аппетит куда-то пропал. Прикрыв глаза, она горько усмехнулась.

И из-за чего она вообще ломала комедию?

<http://bllate.org/book/22065/2294426>